

И. Е. Печёнкин

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ ГЛАЗАМИ ТЕОРЕТИКОВ И ПРАКТИКОВ ЭПОХИ ИСТОРИЗМА*

Статья посвящена одной из малоизвестных подробностей истории архитектурного историзма. Как известно, основным направлением русской художественной практики этой эпохи было национальное возрождение. В архитектуре было много разновидностей национализма: от «русского стиля», утверждавшего идею самобытности и основанного на мотивах XVI и XVII вв., до «византийского стиля», который иллюстрировал тезис о преемственности Российской империи в отношении империи Византийской. Автор акцентирует внимание на другой стилистической версии, происходившей из стран Закавказья. Около 1830 г. эти земли были включены в состав Российской империи, после чего их ландшафт, население и культурное наследие стали объектами научных исследований. Особое внимание уделяли российские ученые древним памятникам христианства. Являвшиеся частью христианского наследия армянские и грузинские древности рассматривались как источник стилизации в современной церковной архитектуре. Благодаря теоретикам и архитекторам — князю Г. Г. Гагарину, Д. И. Гримму, А. С. и П. С. Уваровым, Д. З. Бакрадзе и другим — архитектурные традиции Закавказья заняли свое место в ряду стилистических источников историзма. Несомненно, это был начальный этап формирования национальных архитектурных школ XX в. в Армении и Грузии.

Ключевые слова: историзм, XIX век, древности, церковная археология, архитектура Закавказья, византийский стиль, источники стиля

I. E. Pechenkin

ARCHITECTURAL HERITAGE OF SOUTHERN CAUCASUS BY THE EYES OF THEORISTS AND ARCHITECTS OF HISTORICISM

The article is dedicated to one of little-known details of the history of architectural Historicism. As it is known, the main stream of Russian artistic practice at this epoch was national revival. There were lots of the different varieties of nationalism in architecture: from the Russian style, which affirmed the idea of originality and based on the motives of the 16th and 17th centuries, to the Byzantine style, which illustrated the thesis of the continuity of the Russian Empire in relation to the Byzantine one. The author focuses on another stylistic version, coming from the Southern Caucasus. About 1830, those countries were absorbed by the Russian Empire; afterward, their landscapes, people, and culture became objects of research activity. Russian scholars gave special attention to old Christian monuments. Being a part of Christian legacy, Armenian and Georgian antiquities were seen as a source for stylization at the modern ecclesiastic architecture. Thanks to theorists and architects — Prince Grigory Gagarin, David Grimm, Count Alexei and Countess Praskovya Uvarovs, Dmitry Bakradze, and others — South Caucasian architectural tradition took its place among other stylistic varieties of Historicism. It was, evidently, the first stage to the creation of national architectural schools of the 20th century in Armenia and Georgia.

Keywords: Historicism, 19th century, antiquities, church archaeology, South Caucasian architecture, Byzantine style, source of style

* Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2021 год, тема 1.1.1.1.

Предварительные замечания

Архитектурная теория и практика эпохи историзма (или эклектики²), охватившей более половины столетия, оказала большое влияние на судьбы архитектуры Старого и Нового света. Безотносительно того, как тот или иной архитектор XX — начала XXI в. выстраивал и выстраивает свои отношения с этой эпохой — отталкиваясь от нее и преодолевая, либо черпая в ней вдохновение — ее концептуальные установки и конвенции до сих пор существенны. Образы наций, давно прошедших эпох или экзотических (с точки зрения европейца) земель Востока, сконструированные историзмом XIX в., прочно вошли в массовую культуру и в целом пока не утратили своего значения.

Актуальность изучения комплекса явлений, связанных с архитектурой историзма, сегодня, к счастью, не требует специальных доказательств. В отечественной науке, благодаря трудам Е. А. Борисовой, Е. И. Кириченко, В. Г. Лисовского, М. В. Нащокиной, Ю. Р. Савельева и других, традиция считать эпоху историзма временем упадка и «эклектически-украшательского» подхода к проектированию (*История русской архитектуры* 1951: 291–303), отошла в прошлое.

Нельзя не признать: историческая среда европейских городов (включая Санкт-Петербург) сложилась в многом именно в середине XIX — начале XX в., так что игнорировать этот пласт архитектурного наследия было бы как минимум неразумно. Особое же место в нем принадлежало церковным постройкам, поскольку храм в этот период рассматривался не только как место молитвы,

но и как манифест политической идеи. Религиозная традиция (*вера отцов*) трактовалась как один из важнейших атрибутов национальной идентичности, которая, в свою очередь, согласно Э. Хобсбауму, созидалась в ходе культурного творчества индустриальной эпохи (*Хобсбаум* 2000). Храмовая архитектура историзма, пожалуй, самым наглядным образом иллюстрирует эту работу: для проектов выбирались стили, которые ассоциировались с эпохами расцвета христианства, освященными именами праведников и отмеченными важнейшими событиями в истории церкви.

Для Российской империи таким «ресурсом святости» обладала история и культура Византии, тема преемственности у которой всячески форсировалась русскими интеллектуалами консервативного толка. Проблематика «византизма» в русской архитектуре второй половины XIX — начала XX в. была раскрыта в работах Ю. Р. Савельева и Е. М. Кишкиновой (*Савельев* 2005; *Кишкинова* 2006). Это не значит, впрочем, что тема исчерпана и закрыта. В частности, исследователи «византийского стиля», сосредоточившись на, так сказать, «магистральной линии» его развития, связанной с константинопольскими прообразами, почти не рассматривали его альтернативных вариаций. Между тем, во второй половине XIX столетия внутри «византийского стиля» фактически на равных правах сосуществовали «два типа: греко-византийский и армяно-византийский» (*Византийское зодчество* 1883: 40)³. Более того, само происхождение византийской архитектуры

² С точки зрения автора статьи, оба термина в одинаковой степени хорошо описывают период истории архитектуры.

³ Характерно, что Дж. Рескин отмечал в качестве особенности жизненного цикла искусства Византии (которое он считал восточной ветвью романского стиля) отсутствие стадии упадка (*Рескин* 2009: 173).

и искусства нередко связывалось (вслед за Э. Виолле-ле-Дюком) с Закавказьем⁴.

Как видим, у сторонников создания национального (точнее, имперского) стиля с опорой на крепкий византийский фундамент были серьезные основания изучать архитектурное наследие Закавказья, используя затем свои познания в творческой практике. В этой статье рассматривается история становления научного знания о средневековой архитектуре Армении и Грузии и его претворения в проектно-строительной практике второй половины XIX — начала XX в. Попытаемся взглянуть на христианскую архитектуру Закавказья глазами ученых-археологов и зодчих эпохи историзма.

Романтизм и церковная археология

Интерес к истории и культуре Закавказья складывается уже в первой половине XIX в. в контексте романтизма. Поэтический образ Кавказа как страны свободы, щедрой и экзотической, запечатлен в лирике М. Ю. Лермонтова или пушкинском «Путешествии в Арзрум». Но Кавказ привлекал внимание не только поэтов. Первый опыт научного описания Кавказа был предпринят швейцарцем Фредериком Дюбуа де Монперэ (1798–1850), труд которого отразил универсальность интересов автора, простиравшихся от геологии до этнографии (*Dubois de Montpereux* 1839–1843). С педантичностью истинного естествоиспытателя Дюбуа описывает не только осо-

бенности ландшафта и климата, нравы и облик местного населения, но и памятники материальной культуры.

Надо сказать, что в дальнейшем описание и изучение Кавказа станет делом исключительно российских ученых, ведь уже к концу 1820-х гг. территории современных Грузии, Восточной Армении и Азербайджана были присоединены к Российской империи⁵. Исследование и рационализация имперского пространства, и в первую очередь вновь обретенных восточных окраин, были непрерывной заботой Петербурга в середине и второй половине XIX столетия. Закавказье, где история христианства насчитывала гораздо более веков, чем в России, представляло особый интерес с точки зрения церковной археологии. Памятники Грузии и Армении позволяли прикоснуться к восточно-христианской древности, не покидая границ империи.

Прежде всего стоит обратить внимание на сочинение Андрея Николаевича Муравьева (1806–1874), в котором известный духовный писатель и церковный историк запечатлел свое паломничество к христианским святыням Грузии и Армении. Уделяя основное место изложению церковного предания и житиям святых, Муравьев коснулся также «исторической древности» и «царственных остатков многих столиц Армянских», дабы «прояснить темные их предания и дать слово жизни безмолвному красноречию развалин» (*Муравьев* 1848: I; V, IX).

В тех же 1840-х гг., когда был написан и издан трехтомник Муравьева, появились и специальные штудии архитектурных памятников Закавказья.

⁴ «Богатство памятников византийского стиля в Грузии и Армении, превосходная орнамента многих из них и древность большинства памятников, находящихся ныне в состоянии развалин, отчасти подтверждают мнение <...> [о том, что] византийское искусство было бы правильнее назвать армянским или грузинским» (*Византийское зодчество* 1883: 39).

⁵ Туркманчайский мирный договор между Россией и Персией, закрепивший позиции России на Кавказе и Среднем Востоке в целом, был заключен в 1828 г.

В пробуждении художественного к ним интереса невозможно переоценить заслугу князя Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893, ил. 1). Сделавший впоследствии блистательную карьеру в Императорской Академии художеств (в 1858–1859 был ее президентом, затем до 1872 г. — вице-президентом), Гагарин начинал как дилетант: слушал курс архитектуры в Сорбонне, много путешествовал по Европе, не расставаясь с альбомом для набросков. Уже снискав известность тонкого рисовальщика, он поступил в 1841 г. на военную службу и был командирован на Кавказ. Здесь ему открылись не только экзотические образы Востока, но и христианские древности, результатом чего стало «Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры», изданное впоследствии в виде трех альбомов литографированных иллюстраций (Гагарин 1887, 1897, 1903). «Грузия и Армения, — писал Гагарин, — принадлежат к той же византийской школе, изучение их церквей очень полезно там, где еще не появились новейшие подражания и где небрежность жителей не обратила в развалины образцовые произведения прошедших времен» (Гагарин 1893: 11–12).

Первым профессиональным архитектором, обратившим свое внимание на памятники Закавказья, был Петр Петрович Норов (1815–1858), выпускник Петербургской Академии художеств, командированный этим заведением в 1846 г. для реставрации храма в Пицунде. Норов «предпринял путешествие по всему Закавказью с целью осмотреть и перерисовать все, что есть там замечательного», и «составил значительный сборник чертежей зодческих памятников тамошнего края, из которых видно, что христианские постройки Закавказья получили свое начало из того же

Ил. 1. В. А. Бобров. Портрет князя Г. Г. Гагарина. 1867. Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств

источника, как и русская архитектура, т. е. из искусства византийского» (Петр Петрович Норов 1859: 371). Именно эта мысль о генетическом родстве русского и армяно-грузинского зодчества определила направление исследований памятников Закавказья в последующие десятилетия.

От умозрения к практике

Подлинное «открытие» древней архитектуры Армении и Грузии для практикующих зодчих связано с именем Давида Ивановича Гримма (1823–1898, ил. 2). Блестяще окончив курс в Академии с Большой золотой медалью за проект соборной церкви в «русском стиле», он был удостоен права на пенсионерскую командировку в Европу, однако революционные события 1848 г. послужили

Ил. 2. Д. И. Гримм. Фото 1890-х годов (Зодчий 1898)

препятствием для поездки. Лишь в 1850 г. Гримму удалось добиться для себя командировки, предложив альтернативный маршрут (Д. И. Гримм 1898: 81). Через четыре года после Норева он направился на Кавказ с конкретной целью — для обмеров памятников древней архитектуры. Эти графические материалы, снабженные краткими историческими комментариями, были изданы специально в качестве руководства для архитекторов, в том числе на французском языке (Grimm 1859). Важность этого издания невозможно переоценить: ведь именно уваж являлся в академической традиции проектирования главным источником формальных мотивов и композиционных идей. В дальнейшем чертежи и фотографии средневековых памятников Закавказья регулярно публиковались на страницах архитектурных журналов и в специализированных атласах (*Русские древности* 1891; *Егуазаров, Мартиросянец* 1904–1911; *Султанов* 1908).

Во второй половине XIX в. обозначившиеся ранее направления в изучении

архитектуры Закавказья получили развитие. В плоскости церковной археологии наиболее замечательным продолжателем дела, начатого А. Н. Муравьевым, выступил Дмитрий Захарович Бакрадзе (1826–1890). Родившись в семье кахетинского священника и получив духовное образование в Москве, он выбрал научную карьеру и посвятил себя этнографии и археологии Кавказа. Бакрадзе принял участие в организации V Археологического съезда, состоявшегося в Тифлисе в 1881 г., инициировал создание древлехранилища в Сионском соборе.

Одна из его печатных работ — «Кавказ в древних памятниках христианства», изданная в Тифлисе в 1875 г. (первоначально в приложении к V тому «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией»), — демонстрирует любопытную точку зрения на генезис форм грузинского и армянского зодчества. Основную часть труда составляет алфавитный каталог памятников древней грузинской и армянской архитектуры, а в небольшом предисловии к нему Бакрадзе в духе популярной тогда «теории заимствований» определяет стилистику древней архитектуры Закавказья как результат «сочетания стилей: чисто византийского, арабского и новоготического» (Бакрадзе 1875: 19).

Годом позже публикации Бакрадзе в Москве вышла посвященная древней грузинской архитектуре брошюра Никодима Павловича Кондакова (1844–1925), в будущем видного историка искусства. Это компактное исследование, выполненное университетским ученым, в отличие от в целом описательного труда Бакрадзе, характеризуется подробнейшим анализом форм грузинских храмов, которые рассмотрены автором в сравнении с широким кругом средневековых памятников Европы. Кондаков ставил перед собой задачу «хотя в общих

чертах и на первый раз предположительно показать, что и в грузинской архитектуре есть движение, есть история, а не одно только мертвое повторение оцепеневших форм, как принято смотреть на все восточное вообще и византийское в частности» (Кондаков 1876: 53). Более того, по мнению Кондакова, средневековая грузинская архитектура находилась под мощным западным влиянием и потому «скорее может быть отнесена к романской, нежели к византийской» (Кондаков 1876: 56). Отмечая размытость определения романской архитектуры в Европе, исследователь указывает географически точные аналоги стиля грузинских храмов в памятниках Ломбардии (Кондаков 1876: 57)⁶.

Упомянутый V Археологический съезд стал значительной вехой в ранней истории кавказоведения. В 1877 г., в период проведения предыдущего съезда в Казани, наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич предложил председателю Императорского Московского Археологического общества графу Алексею Сергеевичу Уварову «иметь в виду для V съезда Тифлис или, правильнее сказать, весь Кавказ» (Уварова 2005: 117–118). Как свидетельствует в своих мемуарах графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924, ил. 3), бывшая верной соратницей мужа, после его кончины принявшая на себя руководство Московским Археологическим обществом, подготовка съезда была делом непростым — в том числе по причине того, что Тифлис не был университетским городом (Уварова 2005: 118). Но назначение местом проведения съезда Тифлиса позволило сосредоточить едва ли не все научные силы империи на изучении Кавказа.

Ил. 3. Графиня П. С. Уварова. Фото 1880-х годов (Кондаков 1914)

В 1886 г. Александр III пожаловал Московскому Археологическому обществу специальную субсидию на изучение кавказских древностей (Уварова 1894: 1). С этого момента изучение этого региона получает статус одного из приоритетных направлений российской археологической науки. Отчеты многочисленных экспедиций ИМАО публиковались в сборниках «Материалы по археологии Кавказа», регулярно издававшихся П. С. Уваровой с 1888 по 1916 г. Здесь репродуцировались памятники грузинской и армянской палеографии, фотографии и обмерные чертежи храмов и других архитектурных сооружений. Некоторые из выпусков сборника были полностью посвящены той или иной области Закавказья. Так, выпуск XII содержал описание «экскурсии» по Ахалцикскому и Ахаллакскому уездам Тифлисской губернии с выездом в Карсскую область (Материалы 1909), а следующий — материалы

⁶ О взглядах Н. П. Кондакова на историю христианской архитектуры Кавказа см. также: (Хрушкова 2018).

по археологии Армении, собранные инспектором при гимназиях Кавказского учебного округа, энтузиастом-археологом Василием Михайловичем Сысоевым (1864–1933) в ходе экспедиций 1907 и 1908 гг. К слову, ассистентом Сысоева в этих поездках был молодой Тарагрос Тер-Вартанян — в будущем известный художник, архитектор и сценограф, а тогда ученик Строгановского училища в Москве; в его обязанности входило выполнение обмеров и фиксационных чертежей (*Материалы* 1916: 1). Надо сказать, что церковно-археологическое изучение памятников архитектуры и искусства Закавказья в середине XIX — начале XX в. подготовило крепкую фактологическую базу для академической и университетской науки⁷.

В начале прошлого столетия появились первые научные реконструкции памятников Закавказья: в частности, реконструкция первоначального облика Эчмиадзинского собора, выполненная архитектором и археологом Т. Тораманяном (*Тораманян* 1909). Но исследование средневековых памятников Грузии и Армении уже в 1850-х гг. получило не только чисто научное, но и прикладное значение.

Публикации П. П. Норева, Д. И. Грима и Г. Г. Гагарина (ил. 4) были адресованы не только ценителям христианских древностей, но и практикующим архитекторам. После появления этих изданий внедрение форм армяно-грузинской архитектуры в творческую палитру зодчих не заставило себя ждать. В 1858–1862 гг. по проекту Николая Леонтьевича Бенуа (1813–1898) была построена церковь в поселке Лисино-Корпус под

⁷ В частности, на рубеже XIX–XX вв. архитектурная тематика вошла в сферу интересов знаменитого археолога и языковеда Н. Я. Марра, посвятившего целый ряд публикаций описанию архитектурных памятников в Ани. См.: (*Марр* 1916).

Петербургом. М. И. Бартенева в монографии об архитекторе осторожно называет стиль церкви «вариацией на тему византийских храмов» (*Бартенева* 1994: 79). При всей условности отнесения этой постройки к какой-либо исторической традиции кажется явным, что архитектор ориентировался скорее на армянские, чем на греческие памятники.

Другим ранним примером обращения к «армяно-византийской» стилистике стала Крестовоздвиженская церковь Ливадийского дворца, возведенная в 1862–1866 гг. по проекту Иполита Антоновича Монигетти (1819–1878). Состоявший в должности главного архитектора Императорских царскосельских дворцов Монигетти решил эту изящную небольшую постройку с явным стремлением вписать ее в гористый ландшафт, подчеркнув «региональную» специфику имперского Причерноморья.

Тогда же Д. И. Grimm разработал проект Никольской часовни на месте упокоения старшего сына Александра II великого князя Николая Александровича в Ницце. Интересно, что утвержденному и осуществленному проекту предшествовали несколько вариантов, составленных в «русском стиле»; один из них был предложен Гриммом. Однако император отверг все эти предложения, продемонстрировав симпатию к «византийскому стилю» (*Д. И. Grimm* 1898: 81).

В оформлении интерьера часовни, в целом решенной в «византийском стиле», архитектор включил мотивы, почерпнутые из фасадного убранства грузинских и армянских церквей (ил. 5). Обстоятельное знакомство Гримма с этим историческим материалом чувствуется и в архитектуре храма Св. князя Владимира в Херсонесе Таврическом (1879). Уже его планировочное решение с апсидой не только на востоке, но и на западе,

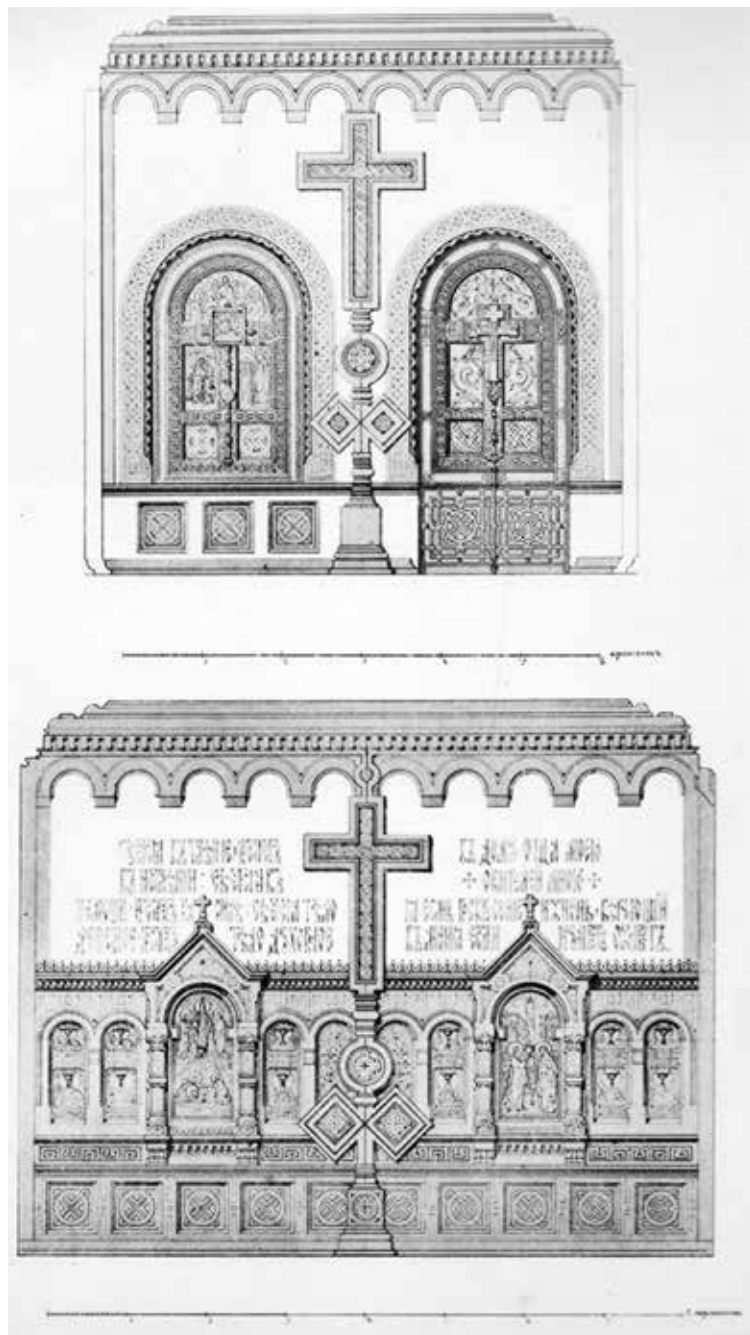

Ил. 4. Г. Г. Гагарин. Рисунок грузинской церкви, 1853 (Гагарин 1887, 1897, 1903: 2, XXXI)

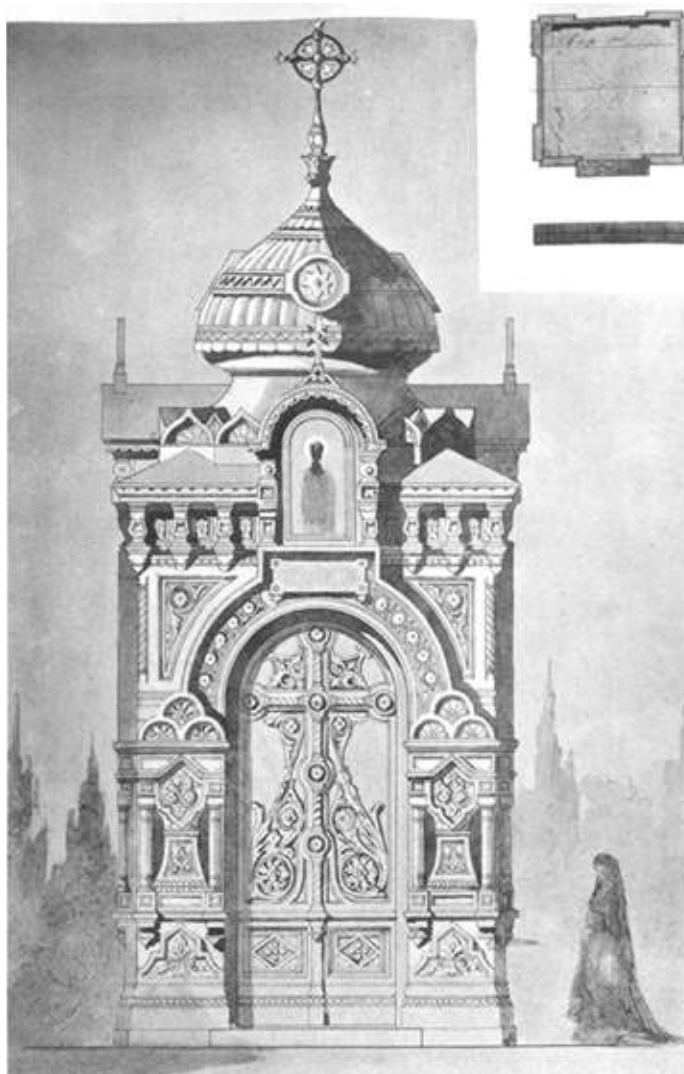
дополненное щипцовыми завершениями фасадов и многократно повторяющимися изображениями креста в декоре, отсылает к армянским и грузинским прототипам. Использование форм из репертуара храмостроения Кавказа в придворной церкви, херсонесском

храме-памятнике и мемориальной часовне в Ницце носит еще эпизодический характер, но явственно демонстрирует расширение круга источников архитектуры историзма.

Случаи использования армянских и грузинских мотивов вне привычного

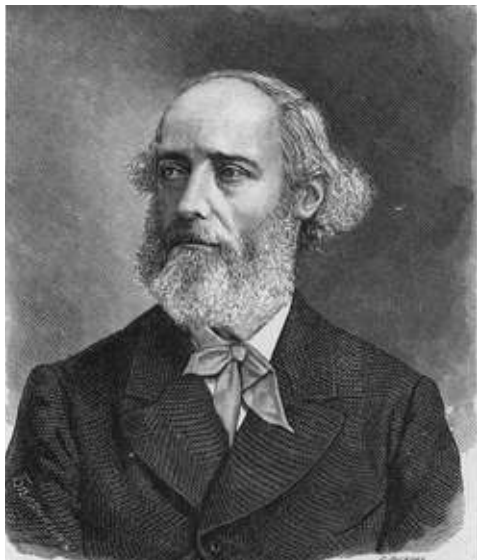
Ил. 5. Д. И. Гримм. Эскизы внутреннего убранства Никольской часовни в Нице. 1866 (Зодчий 1899: 18)

Ил. 6. А. С. Каминский. Проект часовни-памятника Сорокоумовскому в Алексеевском монастыре (Художественный сборник 1891: 89)

стилистического контекста встречаются и в более позднее время. Примером может служить мемориальная часовня в Алексеевском монастыре, исполненная по приведенному здесь рисунку Александра Степановича Каминского (1829–1897). Архитектура этого сооружения смотрится фантастическим

соединением византийских, древнерусских и восточных мотивов, помноженным на недюжинную фантазию зодчего. Однако происхождение центрального элемента фасадной композиции не вызывает сомнений: он восходит к типу армянских хачкаров, хотя и не повторяет их буквально (ил. 6).

Ил. 7. Д. Рыжов по рисунку Л. Л. Белянкина.
 Портрет Э. Э. Виолле-ле-Дюка. Б. д. (Виолле-ле-Дюк 1879: фронтиспис)

От частных мотивов к неостилю

Термином «неостиль» принято обозначать стилистические версии историзма, использующие приемы и формы, которые были выработаны некогда большими стилями прошлого (*Бурдяло* 2002: 15). В частности, к неостильям относят неоготику, «русский» и «византийский» стили, но, как было показано в начале статьи, к концу XIX в. монолитность «византийского стиля» подвергалась сомнению — и в первую очередь благодаря открытию памятников Закавказья, обладавших большим своеобразием по сравнению с константинопольскими постройками.

Отличие армянских и грузинских храмов от собственно «византийских», проявленное в том числе и в конструктивном плане, наталкивало исследователей на мысль об их возможном родстве с архитектурой средневековой Руси. По-

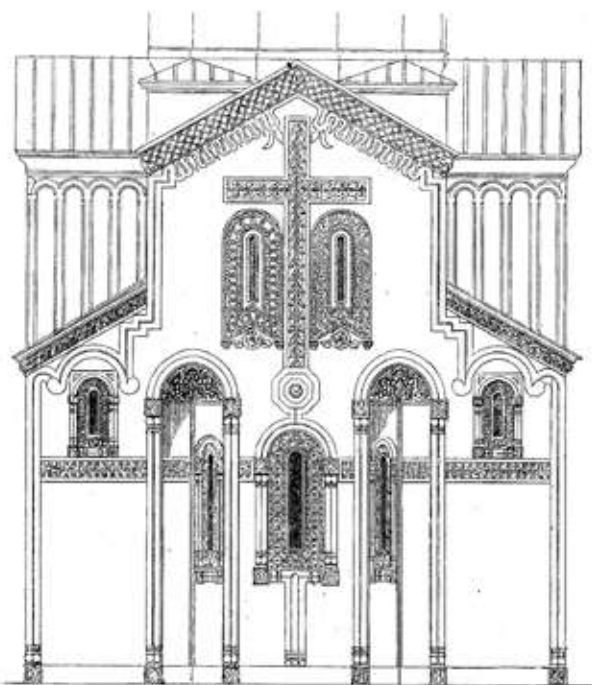
следняя также включила в себя немало элементов, необъяснимых с точки зрения ее византийских истоков. В этой связи очень показательна полемика, развернувшаяся среди российских археологов и зодчих после выхода книги Эжена Эмманюэля Виолле-ле-Дюка (1814–1879, ил. 7) о русском искусстве (1877, русское издание 1879).

Основная идея французского историка и реставратора состояла в обнаружении многочисленных художественных связей Древней Руси с миром Востока. В частности, рассуждая о высотности русских храмов, Виолле-ле-Дюк усматривает здесь близость к памятникам Закавказья и приводит в пример армянскую церковь в Узунларе, которая «указывает на стремление придавать религиозным сооружениям значительную высоту сравнительно с площадью основания и в особенности приподнимать купола, так что внутри эти церкви поражают узостью пролетов, высотой своих малых куполов и редкостью окон» (*Виолле-ле-Дюк* 1879: 81–82).

Ниже по тексту французский ученый пытается связать с влиянием грузинских и армянских церквей появление в русских храмах притворов и, наконец, заключает, что «Армения и Грузия представили им (русским — И. П.) пример куполов, покрытых восьмигранною пирамидою» (*Виолле-ле-Дюк* 1879: 133, 139). Последнее предположение Виолле-ле-Дюка было опровергнуто Николаем Владимировичем Султановым (1850–1908), осуществившим перевод книги французского ученого. В своем докладе на V Археологическом съезде в Тифлисе (1881) Султанов посредством детального сопоставления русских шатровых построек XVI–XVII вв. с перекрытиями армянских и грузинских церквей убедительно доказал, что «обе формы развивались друг от друга независимо

Ил. 8. Церковь в имени
Е. А. Хомяковой в Терской области.
Архитектор С. У. Соловьев. 1895–
1902. Западный фасад (Ежегодник
1911: 98)

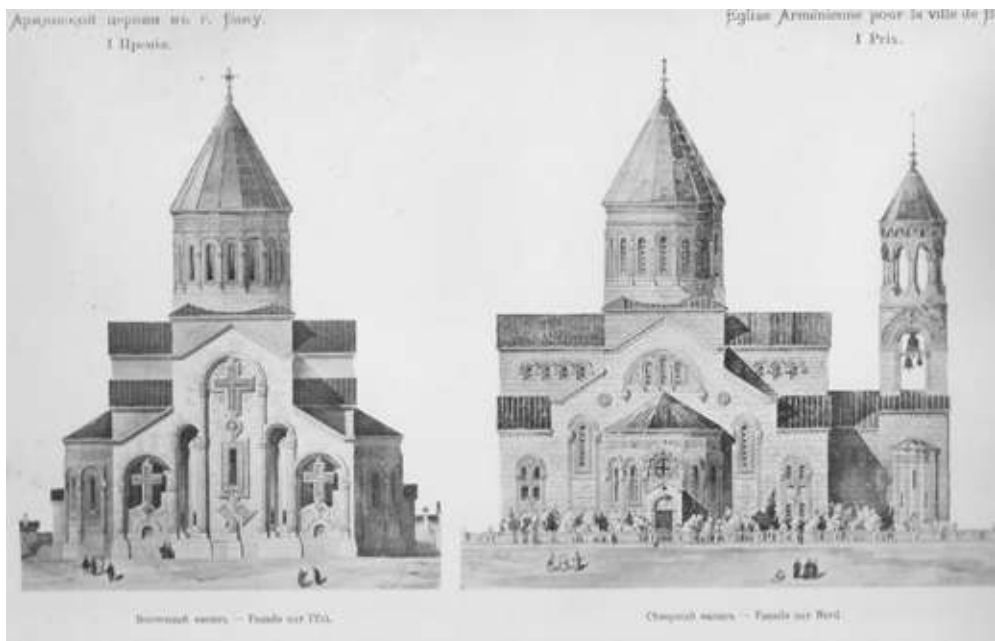
Ил. 9. Восточный фасад церкви в селе
Эртацминда (Русские древности
1891: 71)

Гораздо последовательнее композиционные закономерности средневекового храмостроения Закавказья были претворены в церкви Св. Александра Невского в Абастумани (Абхазия) — имени великого князя Георгия Александровича, брата императора Николая II. Строившаяся в 1896–1898 гг. по проекту придворного зодчего О.И. Симонсона, абастуманская церковь известна главным образом благодаря своему живописному убранству, выполненному М.В. Нестеровым. Архитектура этого замечательно сохранившегося памятника периода историзма практически не изучена и не описана, если не считать указания того же Нестерова на то, что образцом для него выступила расположенная поблизости церковь в Зарзме, датируемая XIII–XIV вв. (Нестеров 2006: 295). В отличие от Соловьева, Симонсон точно повторяет плановую схему грузинских церквей, композиция которых в основном развивается по оси запад — восток и в целом тяготеет к базиликальности. Церкви, практически одновременно возведенные в великокняжеской резиденции и имени Хомяковой, демонстрируют нам два различных пути работы с историческими прообразами, вообще характерных для архитекторов конца XIX в.: это или свободная компоновка разнородных стилистических деталей и композиционных приемов, или довольно строгое следование формам добросовестно изученного прототипа. Традиция усадебного храмостроения в стилистике армянских и грузинских церквей была продолжена в начале XX в.: в 1908–1912 гг. по проекту Н.П. Краснова была возведена церковь Преображения Господня и Св. Нины в крымском имении Харакс, принадлежавшем великому князю Георгию Михайловичу. Источником образности этого храма выступила колокольня в монастыре Ахпат (Нащокина 2007: 163, 165).

Примером практически точной репликации является церковь Сурб Карапет в Ростове-на-Дону, спроектированная Б.Газырбековым (Газарбебяном) в 1867 г. Как показал А.Ю. Казарян, основным источником для этого проекта были обмеры древнего грузинского храма в Самтависе (1030), незадолго до этого опубликованные в издании Д.И. Гримма. Оттуда же были почерпнуты мотивы декоративного убранства, зарисованные Гриммом в других армянских и грузинских церквях (Казарян 2011; Baeva, Kazaryan 2019). Постройку Б. Газырбекова, несомненно, следует рассматривать в общем контексте характерных для второй половины XIX в. поисков архитектурного выражения национальной идентичности.

Более свободный подход к этой теме демонстрируют материалы архитектурных конкурсов на лучший проект армянской церкви в Баку. Конкурс на ее постройку объявлялся дважды — в 1899 и 1907 гг., — и «армянский стиль» будущего храма входил в условия состязания (Смесь 1899: 13). Сравнивая представленные конкурентами проекты, можно получить эффектную картину эволюции художественных вкусов на рубеже XIX–XX вв.

В 1899 г. авторами трех премированных проектов стали соответственно Г.Д. Гримм (сын Д.И. Гримма), А.И. Дитрих и Р.Р. Бернгард, все трое — представители столичной архитектурной школы (*Отзыв комиссии* 1899). В проекте Г.Д. Гримма (ил. 10) чувствуется определенная скованность, видимо, проистекающая из пиетета к археологии. Он ближе всего к историческим прообразам и представляет собой сочетание форм того же Самтависского храма с композиционной схемой армянского триконха. Пристроенная с запада звонница хотя и решена в виде традиционного

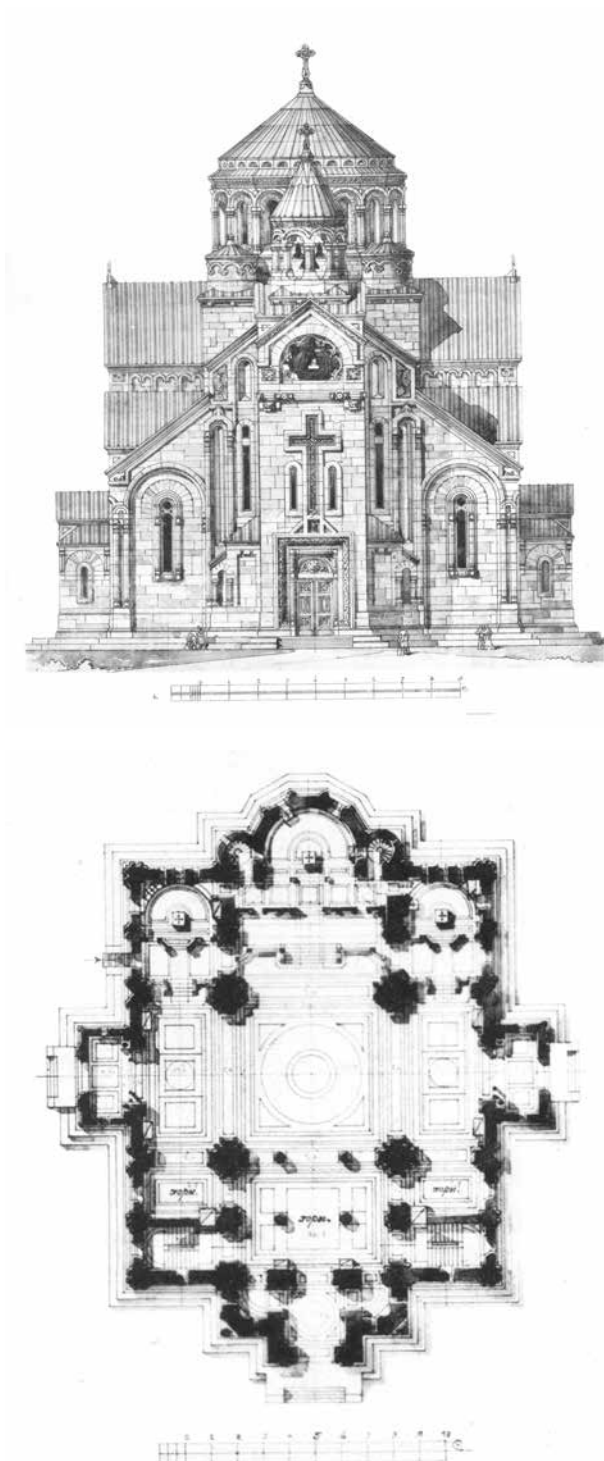

Ил. 10. Г. Д. Гримм. Конкурсный проект армянской церкви в Баку, 1899. Восточный и северный фасады (Зодчий 1899: 49)

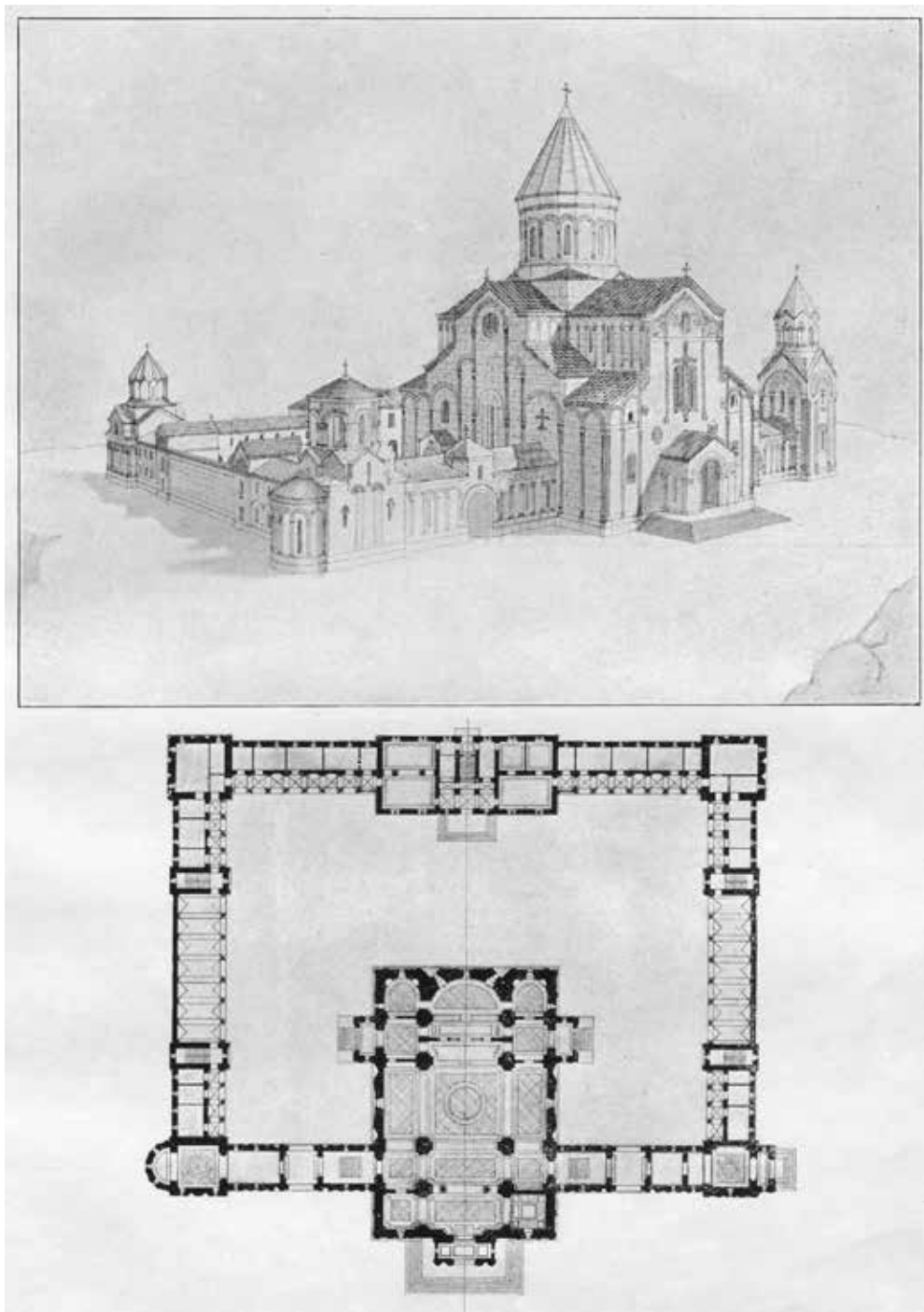
восьмигранного кивория, своей столпообразностью напоминает скорее русскую колокольню. Проект А. И. Дитриха (ил. 11) отличается усложненной пышностью композиции, традиционные формы армянского зодчества доведены здесь до предела эстетизации и почти не узнаваемы. Значительно скромнее выглядит церковь, скомпонованная Р. Р. Бернгардом. Однако и он, подобно Дитриху, предпочел свободное сочинительство постижению структурных закономерностей средневекового армянского зодчества.

Заметим, что подход к решению здания в стилистике армяно-грузинского зодчества, продемонстрированный участниками конкурса 1899 г., сохранил свою актуальность и в позднейшие годы. Доказательство этому мы находим в учебном «Проекте церкви при монастыре» В. С. Ястржембского, опублико-

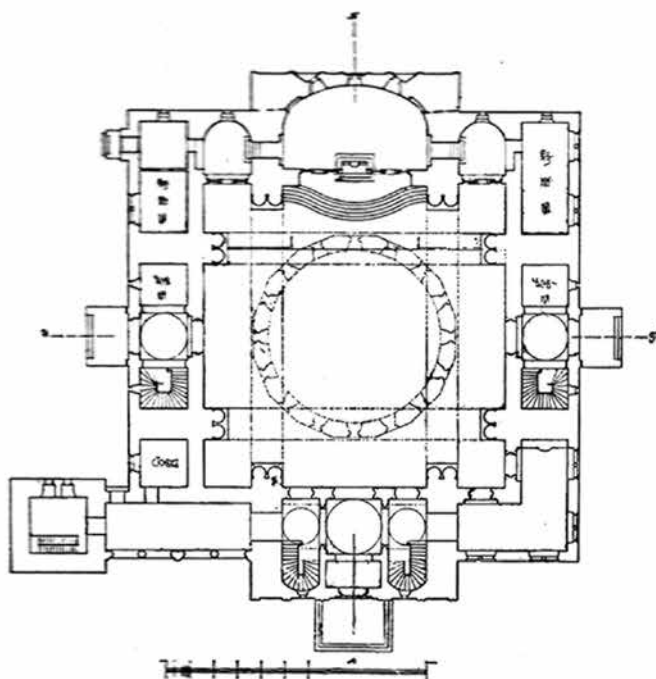
ванном в седьмом выпуске Ежегодника Общества архитекторов-художников (Ежегодник 1912: 177). Следуя давней академической традиции, учащийся Высшего Художественного училища *компонует* свой проект, используя элементы сразу нескольких исторических прототипов и, разумеется, избегая их прямого копирования. В центральном сооружении ансамбля, изображенного на перспективе Ястржембского (ил. 12), угадываются черты грузинского храма в Ошки, а формы звонницы (справа от церкви) явно восходят к звоннице Ахпатского монастыря. Учебная работа Ястржембского свидетельствует о том, что стилистика средневековой архитектуры Закавказья к началу XX в. заняла подобающее место в стилистической палитре российских зодчих и нашла применение в системе архитектурного образования.

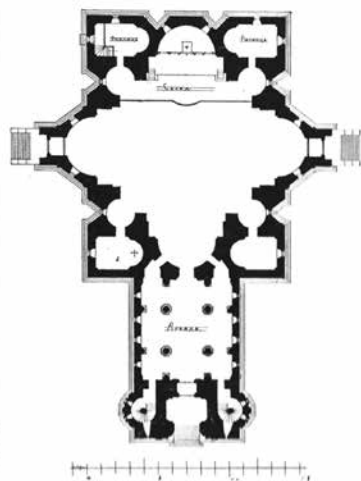
Ил. 11. А. И. Дитрих. Конкурсный проект армянской церкви в Баку, 1899. Западный фасад, план (Зодчий 1899: 50)

Ил. 12. В. С. Ястржембский. Проект церкви при монастыре. Учебная работа. 1911 (Ежегодник 1912: 177)

Ил. 13. В. А. Покровский. Конкурсный проект армянской церкви в Баку, 1907. Перспектива, план (Зодчий 1907: 41)

Ил. 14. Г. М. Тер-Микелов. Конкурсный проект армянской церкви в Баку, 1907. Перспектива, план (Зодчий 1907: 42)

Второй конкурс на постройку церкви в Баку хронологически относится к новой эпохе, ознаменовавшейся пересмотром творческой методологии архитектора и переменой эстетических ориентиров (*Отзыв комиссии* 1907). Поэтому проекты В. А. Покровского и Г. М. Тер-Микелова, разделивших первое место на этот раз, демонстрируют любопытнейшие примеры создания образа армянской церкви через применение композиционных и пластических ходов, свойственных модерну. Покровский, прославленный как мастер неорусского стиля, остается верным себе и в данном случае, прибегая в формировании образа постройки к приему гротеска. Он форсирует присущую традиционным армянским церквям вертикальную динамику, доводя ее до степени единственной пластической темы своей композиции. Благодаря введению активных диагоналей, объем его храма приобретает пирамидальный характер и завершается вы-

сокой пирамидой, пропорциональная доля которой в общей высоте сооружения необычайно велика (ил. 13). Преобразованием такого венчания может быть назван центральный купол Эчмиадзинского собора, но там он имеет другие пропорции, и весь характер композиции у Покровского как бы заостряется. Господство крупной формы, ограниченной чистыми плоскостями, почти лишенными декора, выгодно отличает проект Покровского от рассмотренных выше предложений 1899 г. Другой существенной особенностью разработанной им композиции является живописная асимметрия плана, опять заставляющая вспомнить о работе Покровского с древнерусскими прообразами.

Композиция, составленная Г. М. Тер-Микеловым (ил. 14), кажется более сдержанной и консервативной, за этими формами просматривается чтимый исторический прототип — храм Св. Рипсима в Эчмиадзине начала VII в. Правда, ар-

хитектор отказывается от кубической монументальности древнего памятника и «выпускает» боковые апсиды за габариты четверика. Кроме того, за счет понижения углов возникает тенденция к пирамидальности, отмеченная нами в проекте В.А. Покровского. Развитие композиции на запад, где к основному объему примыкают притвор (гавит) и столпообразная колокольня, сближает проект Г.М. Тер-Микелова с предложением Г.Д. Гримма. Из сказанного следует, что Тер-Микелов в своем проекте остается тяготеющим к археологии представителем культуры историзма, тогда как Покровский занят поисками новой формы, пусть и связанной пока требованиями внешнего подобия древним памятникам. Его вариант армянской церкви для Баку, так же, как и масштабные проекты в неорусском стиле, отмечает рубеж, на котором остановилось в России развитие национально-романтической архитектуры.

Заключение

Итак, «армяно-византийская» стилистика появилась в церковном зодчестве в первую очередь как дань местной традиции, в проектах, предназначенных для реализации на юге России — в частности, на Кавказе и в Крыму. Но не менее важной сферой бытования интересующего нас стилистического направления историзма стали храмы Армянской апостольской церкви. В них зодчие, в полном соответствии с принципом «умного выбора», стремились выразить не только региональную, но и конфессиональную специфику.

XIX столетие вызвало к жизни идею утверждения национальной идентичности, которая вполне воплотилась в искусстве и архитектуре эпохи историзма. Опыт, наработанный в эти десятилетия, не прошел даром и был воспринят

в советский период, когда почти во всех национальных республиках Союза были созданы собственные архитектурные школы. Думается, не случайно наиболее крепкие из них сформировались именно в Армении и Грузии, возрождение национальных традиций зодчества которых началось задолго до 1917 г. и осуществлялось при участии ведущих российских ученых и архитекторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бакрадзе* 1875 — *Бакрадзе Д.З.* Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис: [б. и.], [1875].
- Бартенева* 1994 — *Бартенева М.И.* Николай Бонуа. СПб.: Стройиздат СПб, 1994.
- Бурдяло* 2002 — *Бурдяло А.В.* Необарокко в архитектуре Петербурга. Эkleктика. Модерн. Неоклассика. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
- Виолле-ле-Дюк* 1879 — *Виолле-ле-Дюк Э.* Русское искусство: его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность / пер. Н.В. Султанова. М.: Тип. А. Гатцука, 1879.
- Гагарин* 1887, 1897, 1903 — *Гагарин Г.Г.* Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры, в 3 сер. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1887, 1897, 1903.
- Гримм* 1859–1864 — *Гримм Д.И.* Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении. Вып. 1–12. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1859–1864.
- Егиазаров, Мартиросянец* 1904–1911 — *Егиазаров Л., Мартиросянец Р.* Памятники древнеармянской архитектуры в фотографиях и чертежах / под ред. Г.Д. Гримма: в 10 вып. СПб.: Пушкинская скоропечатня, Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904–1911.
- Ежегодник* 1911 — Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 6. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911.
- Ежегодник* 1912 — Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 7. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1912.

- Византийское зодчество* 1883 — Б. п. Византийское зодчество // Зодчий. 1883. № 1. С. 39–40.
- Гагарин* 1893 — [Гагарин Г. Г.] Родник русского искусства. Посвящается строителям русских церквей // Зодчий. 1893. № 2. С. 9–12.
- Д. И. Grimm* 1898 — Ред. Д. И. Гримм. Биографический очерк // Зодчий. 1898. № 11. С. 81–85.
- Зодчий* 1898 — [Таблицы иллюстраций] // Зодчий. 1898. Л. 51.
- Зодчий* 1899 — [Таблицы иллюстраций] // Зодчий. 1899. Л. 18, 49, 50.
- Зодчий* 1907 — [Таблицы иллюстраций] // Зодчий. 1907. Л. 41, 42.
- История русской архитектуры* 1951 — История русской архитектуры. Краткий курс. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951.
- Казарян* 2011 — *Казарян А. Ю.* Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследие: Памяти О. Х. Халпахчьяна. М.: КРАСАНД, 2011. С. 165–191.
- Кишкинова* 2006 — *Кишкинова Е. М.* «Византийское возрождение» в архитектуре России, середина XIX — начало XX века. СПб.: Искусство-СПб, 2006.
- Кондаков* 1876 — *Кондаков Н.* Древняя архитектура Грузии. М.: Синод. тип., 1876.
- Кондаков* 1914 — [Кондаков С. Н.] Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / сост. С. Н. Кондаков : в 2 ч. I. Часть историческая. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, [1914].
- Марр* 1916 — [Марр Н. Я.] Описание Дворцовой церкви в Ани / сост. Н. Марр. Пг.: Изд. Анийского музея древностей, 1916.
- Муравьев* 1848 — *Муравьев А. Н.* Грузия и Армения : в 3 тт. СПб.: В Тип. III Отд. Его Императорского Величества канцелярии, 1848.
- Материалы* 1909 — Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. XII. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909.
- Материалы* 1916 — Материалы по археологии Кавказа. Вып. XIII. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916.
- Нащокина* 2007 — *Нащокина М. В.* Русская усадьба Серебряного века. М.: Улей, 2007.
- Нестеров* 2006 — *Нестеров М. В.* О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Отзыв комиссии* 1899 — Отзыв комиссии судей по конкурсу проектов армянской церкви в Баку // Зодчий. 1899. № 7. С. 83–86.
- Отзыв комиссии* 1907 — Отзыв комиссии судей по конкурсу армянской церкви в Баку // Зодчий. 1907. № 31. С. 330–331.
- Печёнкин* 2020 — *Печёнкин И. Е.* Сергей Устинович Соловьев. Труды и дни московского архитектора. М.: ABCdesign, 2020.
- Петр Петрович Норов* 1859 — Б. п. Петр Петрович Норов [некролог] // Архитектурный вестник. 1859. № 4. Стб. 369–372.
- Рескин* 2009 — *Рескин Дж.* Камни Венеции / пер. А. В. Глебовской, Л. Н. Житковой. СПб.: Азбука-Классика, 2009.
- Русские древности* 1891 — Русские древности в памятниках искусства, издаваемые гр. И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1891.
- Савельев* 2005 — *Савельев Ю. П.* «Византийский стиль» в архитектуре России. Вторая половина XIX — начало XX века. СПб.: Лики России, 2005.
- Савельев* 2009 — *Савельев Ю. П.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. СПб.: Лики России, 2009.
- Смесь* 1899 — Смесь // Неделя строителя. 1899. № 2. С. 11–13.
- Султанов* 1887 — *Султанов Н. В.* Русские шатровые церкви и их соотношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1887. С. 230–244.
- Султанов* 1908 — *Султанов Н. В.* Памятники зодчества Средних веков и магометанского Востока. Атлас. СПб.: Печатня журнала «Строитель», 1908.

- Тораманян 1909 — Тораманян Т. О древнейших формах Эчмиадзинского храма / [пер. Н.Я. Марра] // Записки Восточного отдела императорского Русского археологического общества. Т. XIX. 1909. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910. С. 31–52.
- Уварова 1894 — Уварова П.С. В виде предисловия // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. IV. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1894. С. 1–6.
- Уварова 2005 — Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2005.
- Хобсбаум 2000 — Хобсбаум Э. Изобретение традиций / пер. с англ. С.А. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
- Хрушкова 2018 — Хрушкова Л.Г. Изучение христианских памятников Кавказа и современные дискуссии // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. № 1 (10). С. 67–103.
- Художественный сборник 1891 — Художественный сборник работ русских архитекторов и инженеров / сост. А. Нетыкса; под ред. А. Каминского. Вып. 5. М.: Литография В. Бахмана, 1891.
- Baeva, Kazaryan 2019 — Baeva O., Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival [Электронный ресурс] // RIHA Journal 0218, 20 July 2019. URL: <https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/rihajournal/article/view/69967/63311> (дата обращения: 07.09.2021).
- Dubois de Montpereux 1839–1843 — Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839–1843.
- Grimm 1859 — Grimm D. Monuments d'Architecture Byzantine en Géorgie et en Arménie. St. Petersburg: A. Beggrow, 1859.
- numents of Christianity). Tiflis, 1875 (In Russian).
- Barteneva M.I. Nikolai Benua (Nikolai Benois). Saint Petersburg: Stroizdat SPb Publ., 1994 (In Russian).
- Burdialo A.V. Neobarokko v arkhitekture Peterburga. Eklektika. Modern. Neoklassika (Neobarocco in Saint Petersburg architecture. Historicism, Art Nouveau, Neoclassic). Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2002 (In Russian).
- Viollet-le-Duc E. Russkoe iskusstvo: ego istochniki, ego sostavnye elementy, ego vysshee razvitiie, ego budushchnost' (Russian art: its sources, its constituent elements, its highest development, its future). Moscow: Tipografiia A. Gatsuka Publ., 1879 (In Russian).
- Gagarin G.G. Sbranie vizantiiskikh, gruzinskikh i drevnerusskikh ornamentov i pamiatnikov arkhitektury (Collection of Byzantine, Georgian and Old Russian Ornaments and Architectural monuments), in 3 vol. Saint Petersburg: Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1887, 1897, 1903 (In Russian).
- Grimm D.I. Pamiatniki vizantiiskoi arkhitektury v Gruzii i Armenii (The Monuments of Byzantine Architecture in Georgia and Armenia), in 12 vol. Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Science Publ., 1859–1864 (In Russian).
- Egiazarov L., Martirosiants R. Pamiatniki drevnearmiianskoi arkhitektury v fotografiakh i chertezhakh (Monuments of ancient Armenian architecture in photographs and drawings), in 10 vol. Saint Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1904–1911 (In Russian).
- Ezhegodnik Obshchestva arkhitektorov-khudozhnikov (Yearbook of the Society of Artists Architects), vol 7. Saint Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1912 (In Russian).
- Vizantiiskoe zodchestvo (Byzantine Architecture). Zodchii (Architect), 1883, no. 1, pp. 39–40 (In Russian).
- Gagarin G.G. Rodnik russkogo iskusstva. Povsiashchaetsia stroiteliam russkikh tserkvei (The spring of Russian art. Dedicated to the builders of Russian churches). Zodchii (Architect), 1893, no. 2, pp. 9–12 (In Russian).

REFERENCES

Bakradze D.Z. Kavkaz v drevnikh pamiatnikakh khristianstva (Caucasus in the ancient mo-

- From the editor. D.I. Grimm. *Biograficheskiĭ ocherk* (D.I. Grimm: Biographical essay). *Zodchii (Architect)*, 1898, no. 11, pp. 81–85 (In Russian).
- Istoriia russkoi arkhitektury. Kratkii kurs* (A History of Russian architecture. Short course). Moscow: State publishing house of literature on construction and architecture, 1951 (In Russian).
- Kazaryan A. Al'bom D.I. Grimma (1864, 1866 gg.) i arhitekturnyĭ proekt cerkvi Surb Karapet v Nahichevani-na-Donu (D.I. Grimm's album (1864, 1866) and architectural design of Surb Karapet church in Nakhichevan-on-Don). *Arhitekturnoe nasledstvo: Pamjati O.H. Halpakh'jana (Architectural heritage: In memory of O. H. Khalpakhchian)*. M.: KRASAND Publ., 2011. pp. 165–191 (In Russian).
- Kishkinova E.M. "Vizantiiskoe vozrozhdenie" v arkhitekture Rossii, seredina XIX — nachalo XX veka (Byzantine revival in the architecture of Russia, mid-19th and early 20th century). Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2006 (In Russian).
- Kondakov N. *Drevniia arkhitektura Gruzii (The Ancient Architecture of Georgia)*. Moscow: Sinodal'naia Tipografia Publ., 1876 (In Russian).
- Marr N. Ia. *Opisanie Dvortsovoi tserkvi v Ani (A Description of the Palace Church in Ani)*. Petrograd: Ani Museum of Antiquities Publ., 1916 (In Russian).
- Murav'ev A.N. *Gruzii i Armeniia (Georgia and Armenia): in 3 vol.* Saint Petersburg: V Tipografii III Otdeleniia Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ., 1848 (In Russian).
- Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiiami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Materials on the archeology of the Caucasus collected by the expeditions of the Moscow Archaeological Society)*, vol. 12. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1909 (In Russian).
- Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archeology of the Caucasus)*, vol. 13. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1916 (In Russian).
- Nashchokina M.V. *Russkaia usad'ba Serebrianoĭ veka (Russian Country estate in the Silver Age)*. Moscow: Ulei Publ., 2007 (In Russian).
- Nesterov M.V. *O perezhitom. 1862–1917 gg. Vospominaniia (About the experience. 1862–1917 Memories)*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2006 (In Russian).
- Otzyv komissii sudei po konkursu proektov armianskoi tserkvi v Baku (Review of the commission of judges on the design competition of the Armenian church in Baku). *Zodchii (Architect)*, 1899, no. 7, pp. 83–86 (In Russian).
- Otzyv komissii sudei po konkursu armianskoi tserkvi v Baku (Review of the commission of judges on the competition of the Armenian church in Baku). *Zodchii (Architect)*, 1907, no. 31, pp. 330–331 (In Russian).
- Pechenkin I.E. *Sergei Ustinovich Solov'ev. Trudy i dni moskovskogo arkhitekatora (Sergei Ustinovich Solov'ev: works and days of the Moscow architect)*. Moscow: ABCdesign Publ., 2020 (In Russian).
- N. N. Petr Petrovich Norev. *Arkhitekturnyi vestnik (Architectural bulletin)*, 1859, no. 4, col. 369–372 (In Russian).
- Ruskin J. *Kamni Venetsii (The Stones of Venice)*. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika Publ., 2009 (In Russian).
- Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva, izdavaemye gr. I. Tolstym i N. Kondakovym (Russian Antiquities in the Monuments of Art, published by Count I. Tolstoy and N. Kondakov)*. Vol. 4. Saint Petersburg: Tipografiia Ministerstva putei soobshcheniia Publ., 1891 (In Russian).
- Savel'ev Iu. R. "Vizantiiskii stil" v arkhitekture Rossii. *Vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka (Byzantine style in the Architecture of Russia: second half of the 19th — early 20th century)*. Saint Petersburg: Liki Rossii Publ., 2005 (In Russian).
- Savel'ev Iu. R. *Nikolai Vladimirovich Sultanov. Portret arkhitekatora epokhi istorizma (Nikolai Vladimirovich Sultanov. Portrait of an Architect of the Era of Historicism)*. Saint Petersburg: Liki Rossii Publ., 2009 (In Russian).
- Smes' (Mix). *Nedel'ia stroitel'ia (Builder's week)*. 1899, no. 2, pp. 11–13 (In Russian).
- Sultanov N.V. *Russkie shatrovyie tserkvi i ikh sootnoshenie k gruzino-armianskim piramidal'nym pokrytiiam (Russian tent-roofed churches in their relation to the Georgian-Armenian pyramidal coverings)*. *Trudy V Ar-*

- kheologicheskogo s"ezda v Tiflise. 1881 (Proceedings of the 5th Archaeological Congress in Tiflis, 1881)*. Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i K^o, 1887, pp. 230–244 (In Russian).
- Sultanov N. V. *Pamiatniki zodchestva Srednikh vekov i magometanskogo Vostoka. Atlas (The Monuments of Medieval Architecture and Muslim East)*. Saint Petersburg: Pechatnia zhurnala "Stroitel'" Publ., 1908 (In Russian).
- Toramianian T. O drevneishikh formakh Echmiadzinskogo khrama (On the oldest forms of the Echmiadzin temple). *Zapiski Vostochnogo otdela imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society)*, vol. 19. 1909. Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Science Publ., 1910, pp. 31–52 (In Russian).
- Uvarova P. S. V vide predisloviia (As a preface). *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiiami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Materials on the archeology of the Caucasus collected by the expeditions of the Moscow Archaeological Society)*, vol. 4. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1894, pp. 1–6 (In Russian).
- Uvarova P. S. *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni (The past. Long gone happy days)*. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 2005 (In Russian).
- Hobsbawm E. Izobretenie traditsii (Invention of tradition). *Vestnik Evrazii (Bulletin of Eurasia)*. 2000, no. 1, pp. 47–62 (In Russian).
- Hrushkova L. G. Izuchenie hristianskih pamjatnikov Kavkaza i sovremennye diskussii (Study of Christian Monuments in the Caucasus and Contemporary Discussions). *Voprosy vseobshhej istorii arhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, vol. 10, 2018, pp. 67–103 (In Russian).
- Baeva O., Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival // *RIHA Journal* 0218, 20 July 2019. URL: <https://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/rihajournal/article/view/69967/63311>. Access: 07.09.2021.
- Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée*. Paris, 1839–1843.
- Grimm D. Monuments d'Architecture Byzantine en Géorgie et en Arménie*. St. Petersburg: A. Beggrow, 1859.